

АННА
АНИКИНА

ТУФЕЛЬКИ
ДЛЯ МАМЫ
ЧЕМПИОНА

RUGRAM

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)
А67

Аникина, А.

А67 Туфельки для мамы чемпиона / А. Аникина. — М. : Т8
Издательские технологии / RUGRAM, 2023. — 350 с. —
(Танцующие).

В школе Беату дразнили Жабой. Она стала женой диплома-
та. Роберт с детства хотел стать пилотом. И шел к мечте. Школа
уже давно позади. Их жизнь очень разная. И всё же бывшие одно-
классники снова встретятся.

УДК 82-31
ББК 84 (2Рос=Рус)
ВІС FС
BISAC FIC000000

© Аникина А., 2023
© Сарина З., оформление, 2023
© RUGRAM, 2023
ISBN 978-5-521-89978-4 © Т8 Издательские технологии, 2023

ПРОЛОГ

Утренний рейс Гданьск — Варшава. Всего час полёта. Беата зябко поёжилась. Всё-таки рядом с морем ветрено. В Гданьске, правда, чуть теплее обычного в январе. Около плюс десяти. А в Варшаве по прогнозу около нуля. И не скажешь, что Рождество и Новый год только отметили. И День трех королей был позавчера. Все признаки праздника почти убрали. Жаль.

Беата вспомнила их единственное русское Рождество, когда в России его ещё не было принято отмечать. Но в Елоховском соборе в Москве шла служба. И они с мамой пошли «просто посмотреть». После мороза и сугробов на улице в храме было почти солнечно от обилия позолоты и свечей. Всё-таки польские костёлы не такие богатые. Они тогда стояли немного почти у входа, послушали часть службы, поставили свечи. И снова оказались в московской ясной январской ночи. Необыкновенно белой. Под небом, усыпанном звёздами.

И сейчас она летела от мамы с папой. Их не стало совсем недавно. Беата никак не могла привыкнуть к мысли, что по-

звонить теперь некуда и некому. Только тётя Кася принимала её в Гданьске как всегда радушно. Будто ей сейчас не ближе к сорока, а она всё та же маленькая девочка с льняными косичками.

Посадку задерживали. Беата посмотрела на часы. К двенадцати ей надо быть на встрече комитета по подготовке благотворительного аукциона. В конце декабря жизнь жён дипломатов замирает. Все посольства разъезжаются на каникулы ещё в двадцатых числах. А вот в конце января начинаются мероприятия, требующие подготовки.

Наконец всех пригласили в самолёт. Людей было мало. Самолёт маленький. Через проход от Беаты устроилась пожилая женщина.

— Знаете, я ведь боюсь летать, — вдруг доверительно сказала она проходящей мимо стюардессе.

— Не волнуйтесь, пани, у нас сегодня самый лучший пилот. Он обычно не летает на внутренних рейсах. Но сегодня нам повезло.

Беата положила в рот конфетку. Ей тяжело давались взлёты и посадки. Одно время они с мужем летали очень много. Но привычка так и не появилась. А вот Збышек засыпал сразу, стоило ему сесть в кресло.

— Дамы и господа, говорит командир экипажа Роберт Тухольский. Наш самолёт следует по маршруту Гданьск — Варшава. Время в пути — один час. Желаю вам приятного полёта.

У Беаты поплыло перед глазами.

ГЛАВА 1

Им почти всегда выпадало дежурить по классу вместе. И по столовой. Даже если делать задание в парах, то Торочинская и Тухольский. Потому что их фамилии в классном журнале подряд.

Иногда Беате доставался в пару красавчик Павел Полак, он был по списку строчкой выше. Тогда Роберту приходилось что-то делать вместе с Йолой Войчинской, следующей по алфавиту.

Они были забавной парой. Очень худенькая белокожая и голубоглазая Беата Торочинская, у короткой волосы всегда заплетены в две льняные косы, и полноватый яркий ша-тен с кошачьими жёлтыми глазами Роберт Тухольский.

Эти двое умудрялись всё делать, разговаривая крайне редко и по делу. Но лучше этой парочки никто не мог накрыть столы к обеду классов, вымыть школьный кабинет, посадить цветы на клумбу перед школой или приготовить рассказ о столице Советского Союза.

Обоих в классе недолюбливали. Беату за то, что она «русская». Хотя в Гданьске конца шестидесятых кого только не

было. Её отец был поляком. А вот мама да — русская. Когда-то после войны приехавшая с родителями — советскими специалистами в Польшу. Роберта, видимо, за некоторую неуклюжесть и бедность. Его растили дядя с тётей. Где были родители, никто не знал. Да и не спрашивал.

Нельзя было сказать, что они были друзьями. Хотя, наверное, это именно так и называется. Когда люди держатся друг за друга.

Роберт, стоя у доски и отвечая урок, всегда смотрел прямо на Беату. По выражению её лица он знал, правильно ли говорит. Она не шевелила губами, не размахивала руками. Но ему было всё ясно по глазам.

Беату за большой выразительный рот дразнили Жабой, Роберт смягчал до «жабки». Она не обижалась.

Зато его все называли Робин-бобин. После того, как им всем прочитали на уроке текст английской песенки. Сначала по-русски, потом по-английски. Роберт тоже воспринял это совершенно спокойно. Казалось, что ему вообще всё равно, что о нём думают другие.

ГЛАВА 2

Со второго класса у каждого были свои занятия после уроков.

У Беаты музыкальная школа и французский. Русский язык, изучаемый в школе, как иностранный, у Беаты был с рождения вторым родным. Поэтому в пару к английскому добавили именно французский. Немецкую речь в доме не переносили. Хотя и мама, и папа, немецкий знали прекрасно.

В качестве музыкального инструмента выбрали поначалу скрипку, но потом оставили эту затею. Осталось обычное фортепьяно. Беата занималась ежедневно. Впрочем, без особого рвения. У неё были музыкальные руки. Поэтому арпеджио давались ей играючи. Через пару лет занятий она читала с листа не очень сложные пьесы.

Беата долго не знала, чем же занимается Роберт. А когда узнала, то очень удивилась. Потому что Тухольский танцевал. В доме искусств был ансамбль бального танца. Именно туда три раза в неделю пухлый Робин-бобин бежал на занятия.

То ли занятия так влияли, то ли Роберт просто вырос и вытянулся. Но уже годам к одиннадцати из полноватого и неуклюжего Тухольский стал высоким для своего возраста и вполне стройным мальчиком. Его даже признали одноклассники. И теперь он играл с мальчишками в футбол после уроков, а не ошивался в одиночестве на бульваре.

В двенадцать лет Роберт впервые появился у Беаты дома. Но пришёл не к однокласснице, а к её маме. За помощью.

Тухольскому предстояла поездка в Советский Союз. Их ансамбль в полном составе в августе ехал сначала в Москву, а потом в международный лагерь «Артек». Всем участникам поездки настоятельно рекомендовали подтянуть знание русского языка.

В июне тётя Роберта обратилась к единственной знакомой русской пани с просьбой заняться языком с племянником. Пани Юлия не придумала ничего лучше, как пригласить Роберта два раза в неделю обедать у них. Все разговоры велись, естественно, только по-русски.

Тухольский едва переступил порог их квартиры, как уже замер. Уставился на синий китель с серебряными галунами и звездами на вешалке в коридоре.

— Твой тата — военный?

— Папа, Роберт, — поправила Беата, — Мой папа военный лётчик, — не без гордости.

— Какой чин? — Роберт тщательно подбирал русские слова.

— Бригадный генерал.

— Ого! Он летает? Или командует?

— Папа летает. И командует тоже.

Надо же. Жабка-то генеральская дочка! Знали бы их спесивые одноклассницы, что «русская» не из простых, сдохли бы от зависти. А Бетя, видимо, специально не рассказывает. Ей, кажется, не нужны фальшивые друзья. Этой принцессе полагается всё самое лучшее.

Пани Юлия, которую нужно было называть по имени и отчеству, раз уж они говорили по-русски — Юлия Владимировна, пригласила детей к столу.

— Пирóги? — предположил Роберт.

— Это пельмени, — спокойно объяснила Беатина мама. — Они чуть меньше, чем пирóги. И начинка из мяса. А если внутри что-то другое — это называется вареники.

— Вареники? Потому что варят? А пельмени варят?

— Варят, Роберт. Ты правильно заметил. А вот и пирогí. Их жарят или пекут, — и Юлия Владимировна вынесла к столу блюдо с пирожками. Треугольные с капустой, длинные — с яблоками, квадратные — с картошкой.

С собой Роберту дали целый кулёк умопомрачительно пахнущих пирожков. Он едва пережил ещё день, чтобы прийти в этот дом снова. Нет, не за едой. За этими разговорами на таком вроде похожем на польский, но другом языке. За мягкими улыбками. А ещё у него был план позвать Жабку в парк. На качели.

После всех положенных церемоний, включавших приветствие, мытьё рук с подробными комментариями: «Возьми зелёное полотенце, оно справа от умывальника», его снова усадили за стол. Теперь ему нужно было назвать из чего сделан странный свекольный салат со сложным названием «винегрет». Он угадал всё. И назвал тоже правильно:

свёкла, лук, картофель, морковь, солёный огурец. Даже ударения все поставил верно.

Потом они втроем с Беатой и пани Юлией уселись играть в лото на четырёх языках. Кроме русского названия предмета надо было назвать его по-французски для Беаты и по-английски для Роберта.

— Юлия Владимировна, — тщательно выговорил Тухольский, — могу я пригласить вашу дочь в парк? На... Как по-русски «хуштачь»?

— Качели? Конечно, идите, — отпустила пани Торочинская ребят.

Качели в ближайшем парке были огромными. Как лодки на длинных перекаладинах. Раскачать их в одиночку нереально. Но вдвоем они справились.

Тяжёлая конструкция сначала жалобно скрипнула, а потом поддалась, увеличивая амплитуду с каждым разом. И вот они уже высоко подлетают над землёй!

— Ты держишься? — прокричал Роберт с другого конца «лодки».

— Дааа! — кричала ему в ответ Беата. И они всё больше раскачивали качели.

Это было необыкновенное чувство полёта. Выше кустов, к облакам. Волосы выбились из кос и лезут в глаза. Но Беата не останавливается. Сгибает и разгибает колени. Ещё выше!

Роберт держится крепко. Летит над землёй, упираясь ступнями в доски. Небо ближе, а ветки деревьев можно потрогать. Восторг!

Сколько они так катались, неизвестно. Когда затормозили-таки тяжёлую конструкцию, дело было к вечеру. Роберт нащупал в кармане куртки монетки. Он был готов по-